

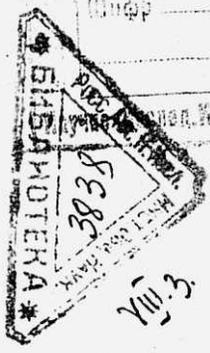
4240 M 33843. 801-19
384 402

А. БОГДАНОВЪ

✓
13
VIII-11
8

УРОКИ ПЕРВЫХЪ ШАГОВЪ РЕВОЛЮЦІИ

БИБЛИОТЕКА	
№ Книг.	3908.
№ Стол.	
Шифр	
при Ф. С. П. М. П. П.	
М. П. П. П. П. П.	

352

1. Рабочій классъ и Врем. Прав.
2. О боевыхъ лозунгахъ.
3. На пути къ Интернаціоналу.
4. О провокаціи.

МОСКВА

Типографія Я. Г. Сазонова. Б. Никитская, д. 31, телеф. 81-20

Іюль 1917

14074
E

ф. 3751-34

Рабочій классъ и временное правительство.

На совѣщаніи Совѣтовъ Рабочихъ и Солд. Депутатовъ, которое происходило въ концѣ марта въ Петербургѣ, Стекловъ сдѣлалъ докладъ объ отношеніяхъ Петербургскаго Совѣта Раб. и Солд. Деп. къ временному правительству. Изъ доклада выяснилось слѣдующее. Въ первые дни революціи Петерб. Совѣтъ имѣлъ возможность захватить всю власть въ свои руки. Онъ этого не сдѣлалъ, а предоставилъ Государств. Думѣ организовать временное правительство. Онъ даже отказался принять участіе въ этомъ правительствѣ, а рѣшилъ дѣйствовать на него извнѣ. Совѣтъ оставилъ за собою право отводить совершенно неприемлемыхъ лицъ при формированіи правительства, а затѣмъ предложилъ ему революціонно-демократическую программу, которая, въ главныхъ чертахъ, была принята, и легла въ основу деклараціи правительства.

Спрашивается, правильно-ли поступилъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, что не сдѣлалъ тогда попытки самъ сформировать изъ своей среды временное правительство? Можно съ увѣренностью признать: *въ этомъ*—вполнѣ правильно.

Надо сказать прямо: революціонная демократія, притомъ не всей Россіи, а одного Петербурга, была бы въ тотъ моментъ просто не въ силахъ взять на себя организацию новаго порядка во всей странѣ.

Рабочіе и солдаты произвели революцію; но имъ пришлось самимъ заново и спѣшно организоваться: могли ли они въ то же время взять на себя всю гигантскую дѣловую работу перестройки государственнаго механизма? А между тѣмъ буржуазныя партіи шли на уступки, соглашались проводить въ жизнь

демократическую программу, и для нихъ это было гораздо легче. Стекловъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «та же самая программа, которую осуществляетъ временное правительство подъ аплодисменты всей російской буржуазіи, встрѣтила бы со стороны господствующихъ классовъ самое энергичное сопротивление, если бы ее проводили подъ фирмой Совѣта Р. и С. Деп.»

Этого нѣтъ надобности специально доказывать: революція 1905—6 гг. выставляла тѣ же самыя требованія; но тогда ихъ пытались проводить только рабочіе—соціалисты и крестьяне—трудовики; какъ поступила буржуазія? Она всемѣрно отвергла революцію, а частью помогла реакціи подавить ее (октябристы, поддержавшіе Столыпина). Да и вообще, всякая партія стоитъ, конечно, за свою собственную программу; между тѣмъ, даже кадетская программа была несравненно правѣе той, съ какой выступило временное правительство.

Итакъ, Совѣтъ Р. и С. Д. поступилъ разумно, уклонившись отъ захвата всей государственной власти. Но онъ пошелъ дальше этого, и отказался принять участіе во временномъ правительствѣ, не пожелалъ имѣть въ немъ своихъ представителей. Было ли это настолько же правильно?—Дѣло это, конечно, прошлое; но мы изучаемъ уроки жизни, чтобы имѣть знаніе для будущаго. Поэтому разсмотримъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ.

Въ обычное время всѣ строгіе и честные соціалисты отказываются участвовать въ буржуазныхъ министерствахъ: они не хотятъ политически служить буржуазіи, не хотятъ связывать себя рукъ въ классовой борьбѣ съ нею. Такое отношеніе вполнѣ понятно: задача буржуазнаго правительства, при обычныхъ условіяхъ, заключается именно въ томъ, чтобы поддерживать и оберегать установившееся господство классовъ буржуазныхъ надъ трудовыми. Но это—при обычныхъ условіяхъ. Теперь же, во время демократической революціи, дѣло идетъ о другомъ: объ устройствѣ, начиная съ самыхъ основъ, того государственнаго порядка, при которомъ придется въ дальнѣйшемъ жить и бороться рабочему классу. Это задача уже *не охранительная, а созидательная*; и всякій недостатокъ въ ея выполненіи тяжело отзовется на всей дальнѣйшей обстановкѣ жизни и борьбѣ пролетаріата, какъ недостатокъ свободы и простора.

Въ какія отношенія стали съ самаго начала Совѣты Р. и С.

Деп. къ временному правительству? Они его *поддерживаютъ*, пока оно проводитъ на дѣлѣ программу демократической революціи; они его *контролируютъ*, слѣдятъ за тѣмъ, дѣйствительно ли оно выполняетъ эту программу, и въ полной ли мѣрѣ; если оно отчасти отъ нея уклоняется, они *оказываютъ давленіе* на него въ надлежащую сторону. И наконецъ, если бы оно стало дѣйствовать въ прямомъ противорѣчіи съ этой программой, т. е. измѣнило бы революціи, Совѣты и весь стоящій за ними трудовой народъ должны были бы вести прямую и рѣшительную *борьбу* за смѣну этого правительства.

Поддержка, контроль, въ случаѣ надобности—давленіе, въ случаѣ крайности—прямая борьба: для всѣхъ этихъ цѣлей было ли бесполезнымъ и излишнимъ участіе рабочихъ представителей въ составѣ временнаго правительства?

Демократическую программу приходилось осуществлять кадетамъ и октябристамъ, т. е., завѣдомымъ недемократамъ. Допустимъ даже, что они самымъ искреннимъ образомъ желаютъ выполнить это. Но *сумѣютъ* ли они вести дѣло съ полной послѣдовательностью? *Свою* программу они, конечно, сумѣли бы; но чужую? Очевидно, что для успѣха въ этомъ огромное значеніе имѣла бы прямая, непрерывная поддержка со стороны людей, для которыхъ эта программа *своя*. А поддержка, идущая извнѣ, отъ Совѣтовъ Рабоч. и Солд. Деп., неизбежно запаздываетъ, во первыхъ, и не можетъ касаться многихъ частныхъ—во вторыхъ.

Контроль, опять-таки, наиболѣе дѣйствителенъ тогда, когда онъ проводится также *изнутри*, а не только извнѣ; иначе отъ него очень многое ускользаетъ, а многое становится ему извѣстнымъ слишкомъ поздно, когда дѣло уже сдѣлано. Напр., врем. правительство назначаетъ своихъ комиссаровъ и чиновниковъ: контроль надъ этими назначеніями извнѣ почти невозможенъ, развѣ только по отношенію къ самымъ важнымъ должностямъ; да и то, требовать удаленія назначеннаго лица и замѣны его другимъ несравненно труднѣе, чѣмъ, заранѣе зная о намѣченномъ кандидатѣ, отклонить его. А для революціи страшно важенъ составъ властей—друзья ли они народа, или люди ему чуждые, а то и враги.

Равнымъ образомъ, если правительство *начинаетъ укло-*

няться отъ пути, согласнаго съ интересами народа, то гораздо быстрѣе и легче подѣйствуетъ на него давленіе съ двухъ сторонъ—изнутри и извнѣ,—чѣмъ только съ одной стороны. Часто даже давленія извнѣ и не понадобилось бы. Напр., почти навѣрное не прошла бы отмѣнявшая мирную декларацию самого правительства нота г. Милокова отъ 18 апрѣля; были бы избѣгнуты вызванныя ею волненія и столкновенія, вплоть до человеческихъ жертвъ, разногласія и внутренняя борьба въ Совѣтахъ, переговоры для улаженія дѣла,—лишняя затрата силъ народныхъ организаций. А тѣмъ самымъ было бы избѣгнуто лишнее обостреніе между этими организаціями и правительствомъ. Пусть оно уступитъ одинъ, другой, третій разъ; но его внутренняя, скрытая, враждебность къ революціонной демократіи будетъ становится тѣмъ сильнѣе.

Наконецъ, крайній случай: если бы правительство рѣшило начать контръ-революцію, и слѣдовательно, намъ пришлось бы вести прямую борьбу съ нимъ. Тогда оно, конечно, не объявитъ заранѣе, что собирается покончить со свободой и демократіей, а будетъ осторожно и по возможности незамѣтно готовить ударъ. Тутъ особенно важно во-время замѣтить это, уловить моментъ поворота, чтобы безъ замедленія организовать защиту революціи; ничтожное опозданіе можетъ оказаться гибельно. И, разумѣется, гораздо легче своевременно увидѣть опасность, имѣя своихъ представителей въ самомъ правительствѣ, чѣмъ наблюдая его дѣятельность только извнѣ.

Во временномъ правительствѣ съ самаго начала былъ одинъ революціонеръ, Керенскій. Онъ вошелъ туда не по порученію Совѣта Раб. и Солд. Деп., членомъ котораго состоялъ, а по собственной инициативѣ, и Совѣтъ лишь потомъ одобрилъ его шагъ. Были ли основанія жалѣть, что Керенскій сдѣлалъ это? Всѣмъ извѣстно, что, напротивъ, онъ сумѣлъ оказать тамъ большія услуги дѣлу революции, хотя, также несомнѣнно, дѣлалъ и ошибки. Онъ—трудовикъ, представитель интересовъ революціоннаго крестьянства, класса менѣе сознательнаго и менѣе организованнаго, чѣмъ рабочіе. Такимъ образомъ, даже ошибки ему часто нельзя было бы ставить въ счетъ, потому что онъ не могъ полностью представлять въ правительствѣ точку зрѣнія революціоннаго народа; и при этомъ онъ былъ одинъ среди

большой коллегіи буржуазныхъ вождей, одинъ среди гигантской государственной работы. Если бы вмѣстѣ съ нимъ съ самаго начала находились представители рабочаго пролетаріата, было бы возможно сдѣлать больше, чѣмъ теперь, и ихъ прямое вліяніе на государственный механизмъ было бы гораздо значительнѣе.

Правда, участіе даже и въ революціонномъ правительствѣ заключаетъ въ себѣ для социалистовъ и демократовъ немалыя опасности. Власть, особенно такая огромная, какой пользуются члены временнаго правительства, легко можетъ опьянять людей, разжигая ихъ честолюбіе, или просто лишать ихъ душевнаго равновѣсія сложностью задачъ и сознаніемъ тяжелой отвѣтственности, такъ что люди измѣняютъ себѣ и дѣлу своихъ довѣрителей, или теряются и впадаютъ въ очень важныя ошибки. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что необходимъ неослабный контроль со стороны революціонныхъ организацій надъ ихъ представителями, постоянное общеніе съ ними, поддержка ихъ руководящими указаніями.

Итакъ, надо принять, что отказъ отъ участія во временномъ правительствѣ былъ ошибоченъ.

Послѣ столкновеній изъ-за ноты Милюкова, создалось совершенно новое положеніе: правительство на дѣлѣ показало неспособность въ его прежнемъ составѣ вести неуклонно политику мира и демократіи: оно попробовало взять назадъ, подъ видомъ «разъясненія», самые важные пункты своей прежней, принятой подъ давленіемъ Совѣтовъ, мирной деклараціи, заговорить вновь о «рѣшительной побѣдѣ» и, въ скрытой формѣ, даже о захватахъ. Совѣты заставили его взять это «разъясненіе» обратно; но согласіе не возстановлялось, министры открыто и рѣзко выступали противъ Совѣтовъ, либералы устраивали уличныя демонстраціи въ такомъ же духѣ. Совѣты, поддержанные вдобавокъ делегатами съ фронта, оказались, однако, болѣе сильной стороной, и въ концѣ концовъ произошло обновленіе правительства. Ушелъ Гучковъ, столыпинецъ и участникъ усмиренія прошлой революціи; ушелъ Милюковъ, сторонникъ монархіи, защитникъ захватныхъ военныхъ плановъ; затѣмъ въ министерство вошли, по рѣшенію Петерб. Совѣта Раб. и Солд. Деп., представители демократіи. Получился такой составъ: 6 демократовъ и социалистовъ, 7 либераловъ (кадеты и прогрессисты), 2

прежнихъ консерватора (націоналистъ В. Львовъ и октябристъ Годневъ). Президентомъ оставался князь Г. Львовъ, умѣренный либераль.

Составъ этотъ былъ демократичнѣе прежняго, *но все-же не демократическій*: 6 изъ 15, это только меньшинство. Какъ же слѣдовало относиться къ новому министерству?

Да въ общемъ и въ основномъ—такъ же, какъ и къ прежнему: поддержка—въ чемъ слѣдуетъ поддерживать, контроль— всегда и во всемъ, давленіе—когда потребуется, прямая борьба—въ случаѣ крайности. Все можетъ понадобиться, и ни отъ чего нельзя зарекаться.

Безъ сомнѣнія, и поддержка, и особенно контроль могутъ быть болѣе планомѣрными, болѣе успешными, когда производятся съ двухъ сторонъ, изнутри и извнѣ. Но для этого сами министры-демократы должны такъ и смотрѣть на дѣло: все время помнить, что они—*представители революціоннаго народа въ буржуазномъ правительствѣ*, и въ общеніи, въ совмѣстной работѣ со вчерашними и завтрашними политическими врагами не забывать о противоположности основныхъ интересовъ между различными классами. Такъ ли это было на дѣлѣ?

Съ самаго начала, коалиціонное временное правительство потребовало полнаго довѣрія къ себѣ. Уже это было не совсѣмъ правильно. Довѣрія *слыно* демократія вообще, а тѣмъ болѣе рабочій классъ *никому* оказать не можетъ,—въ томъ числѣ и демократамъ министрамъ, не говоря уже о министерствѣ въ цѣломъ: надо судить на основаніи *дѣлъ*, а не словъ, *фактовъ*, а не обѣщаній. Факты же говорятъ о нерѣшительной политикѣ, о колеблющейся работѣ, безъ твердаго плана.

Такъ, продовольственная и промышленная разруха дѣлаютъ необходимымъ, чтобы государство и у насъ, какъ въ Германіи, взяло подъ свой контроль, какъ можно скорѣе, все потребленіе главныхъ продуктовъ, ихъ продажу и все производство. Врем. правительство признавало это и собиралось сдѣлать необходимыя шаги,—въ чемъ заслуживало поддержки. Но оно дѣйствовало крайне вяло и медленно,—за три мѣсяца почти ничего не сдѣлало; демократія должна была толкать его, оказывать на него серьезное давленіе; но она, къ сожалѣнію, не выполняла этого съ достаточной энергіей; и много драгоценнаго времени было упущено.

По отношенію къ войнѣ,—врем. правительство, какъ извѣстно, обратилось къ союзникамъ съ предложеніемъ открыто выразить готовность на миръ безъ захватовъ и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народностей;—это слѣдуетъ одобрить; но когда оно, не добившись заявленія объ ихъ согласіи, призвало армию къ наступленію,—это вопросъ другой. И онъ настолько важенъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

Въ виду затишья на нашемъ фронтѣ, Германія стала перебрасывать съ него войска на западъ, противъ французовъ и англичанъ. Тѣ заявили нашему правительству, что такое полное затишье, а особенно при идущемъ мѣстами братаньи съ непріятельскими войсками, есть, въ сущности, сепаратный миръ, для нихъ, союзниковъ, весьма опасный. Конечно, Россія не должна заключать сепаратнаго мира. Но она не должна также служить захватнымъ планамъ, которые, несомнѣнно, у союзныхъ правительствъ имѣются. Перейти въ наступленіе, чтобы помѣшать побѣдѣ нѣмцевъ,—можно и слѣдуетъ, потому что въ этой войнѣ не должно быть побѣжденныхъ,—и такъ всѣ на дѣлѣ побѣждены разореніемъ, смертью и голодомъ. Но какъ поручиться, что это наступленіе не окажется для союзниковъ средствомъ раздавить и ограбить Германію? Для этого необходимо было добиться прямого заявленія, что ни захватовъ, ни контрибуцій союзники не добиваются; и безъ такого обязательства звать армию къ наступленію нельзя. А союзники, пока что, явно не желали отказываться отъ имперіализма и захватовъ. И допуская это, начиная, несмотря на это, наступленіе, правительство дѣйствовало неправильно.

Что же вышло? Если наступленіе и было подготовлено технически, то оно оказалось совершенно не подготовленнымъ въ смыслѣ настроенія войскъ. Идеино-революціонные элементы, которые должны были бы воодушевить массу, не смогли сдѣлать этого, потому что сами не знали навѣрное цѣлей наступленія, и имѣли основанія предполагать худшее. А темная масса арміи, утомленная и измученная годами войны, встревоженная возобновленіемъ истребительной борьбы, не находя твердаго, надежнаго для нея самой идейнаго руководства, поддавалась упадку духа, начала стихійно уходить съ позицій. Получилось тяжелое и уничительное крушеніе. На почвѣ той же тревоги, вызванной на-

ступленіемъ, возникли беспорядки и въ тыловыхъ частяхъ, анархично-безтолковая вооруженная демонстрація въ Петербургѣ, бунты эвакуированныхъ въ Нижнемъ, во Владимирѣ и пр.

Одновременно съ этимъ кадетскіе министры нашли удобнымъ выйти изъ правительства, чѣмъ не мало помогли усилению сумятицы. Получилась картина полного пораженія колеблющейся политики коалиціоннаго министерства.

Что же дѣлаетъ это министерство, объявленное „правительствомъ общественнаго спасенія“? Оно принимаетъ рядъ реакціонныхъ мѣръ, частью, повидимому, вынужденныхъ положеніемъ (какъ возстановленіе смертной казни на фронтѣ), частью просто порожденныхъ паникой (какъ аресты вождей крайней лѣвой на основаніи явно клеветническихъ шпіонскихъ обвиненій, закрытіе газетъ и т. под.). вмѣстѣ съ тѣмъ оно заявляетъ о намѣреніи рѣшительно и безъ промедленія проводить необходимыя революціонныя преобразованія,—а въ полномъ противорѣчьи съ этимъ пытается привлечь обратно въ министерство кадетовъ, которые ставятъ первымъ условіемъ пріостановку революціонныхъ преобразованій. И это тогда, когда въ обществѣ разливается грубая реакція, когда буржуазныя партіи объявляютъ открытую войну Совѣтамъ, т. е. революціонной демократіи.

Если правительству и удастся возобновить коалиціонный составъ въ родѣ прежняго, толку выйдетъ мало. Это будетъ министерство репрессій, шатаній, и топтанія на мѣстѣ. Пройдетъ паника, остановится бѣгство на фронтѣ,— и революціонная демократія вынуждена будетъ устранить такое министерство, потому что революція еще не можетъ остановиться, ея задачи не разрѣшены.

Что же тогда? Тогда революціонная демократія должна взять власть въ свои руки. При этомъ представителямъ рабочихъ придется принять на себя заботу, чтобы новое, уже демократическое правительство не сбивалось съ революціоннаго пути, а шло по нему до конца.

Демократія не должна и не можетъ безъ конца отступать передъ трудностью этой задачи, какъ она дѣлаетъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ.

Къ счастью, за прошедшіе мѣсяцы революціи все-же до нѣкоторой степени съ организовалась, а крупныя политическія силы для составленія новаго правительства у нея есть.

Теперь же надо продолжать дѣло организаціи рабочаго класса. дѣло собиранія силъ подѣ его социалистическимъ знаменемъ. Надо зорко слѣдить за ходомъ событій и добиваться, чтобы революціонно-демократическая программа дальше проводилась въ жизнь, а Совѣты Рабочихъ Депутатовъ не успокаивались на довѣрїи къ той или иной власти, неуклонно вели защиту обще-народныхъ интересовъ, и продолжали свое революціонное строительство.

О боевых лозунгахъ.

Всякому народному движенію необходимы лозунги.

Лозунгъ—это краткое, въ нѣсколькихъ словахъ, выраженіе задачи движенія. Онъ собираетъ, объединяетъ, сплачиваетъ всѣхъ, кто идетъ къ общей цѣли. Такъ, лозунгъ «Земля и воля!» у насъ, въ Россіи, выражаетъ задачи борьбы революціоннаго крестьянства; на этомъ лозунгѣ объединяются крестьяне-демократы и всѣ, кто имъ сочувствуетъ. Онъ—все равно, что знамя, вокругъ котораго выстраиваются полки; не даромъ лозунги и пишутся на знаменахъ, которыя развѣваются во время манифестацій.

Когда усилія людей объединяются и направляются къ общимъ цѣлямъ, это называютъ *организацией силъ*. Слѣдовательно, лозунги организуютъ общественныя силы, являются средствомъ ихъ организаціи.

Но здѣсь важно замѣтить вотъ что. Лозунги организуютъ не только тѣхъ, кто идетъ за ними, не только своихъ *сторонниковъ*, но—и своихъ *враговъ*. Пусть провозглашенъ лозунгъ «8-часовой рабочей день». Онъ объединяетъ и связываетъ сознательныхъ рабочихъ, а также всѣхъ, кто признаетъ справедливость ихъ требованія. Но капиталисты и всѣ, кто ихъ поддерживаетъ, видятъ въ этомъ лозунгѣ угрозу для своихъ интересовъ, и въ свою очередь сплачиваются тѣснѣе, собираютъ свои силы для борьбы противъ его осуществленія. Такимъ образомъ, дѣйствіе лозунга оказывается двустороннимъ.

Какъ ни молода наша революція, она успѣла дать яркіе примѣры того и другого дѣйствія.

Въ началѣ революціи нѣкоторыми социалистами съ большою энергіей провозглашался лозунгъ: «Долой войну!» Что заключалось въ этомъ призывѣ?

Миръ давно уже сталъ необходимостью для Россіи, какъ и

для другихъ воюющихъ странъ. Благодаря революціи, сдѣлалась возможною открытая борьба за миръ. Надо было стройно объединить и направить къ общей цѣли усилія всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ и могъ принять участіе въ этой борьбѣ,—организовать на подходящемъ лозунгѣ общественныя силы, стремившіяся къ прекращенію войны. Можно ли было выразить задачу короче, проще, энергичнѣе, рѣшительнѣе, чѣмъ двумя словами «Долой войну!».

Лозунги должны быть *кратки* и *просты*, чтобы массы легко ихъ усваивали; должны быть *энергичны* и *рѣшительны*, чтобы сильнѣе дѣйствовать на чувство, потому что чувство движетъ массами. Эти необходимыя достоинства тутъ есть. Но они—не все. Лозунги еще должны быть *ясны*, *точны*, *опредѣленны*.

Что означаютъ слова «Долой войну»? Въ нихъ можно вложить самый различный смыслъ. Легче всего ихъ понять такъ: мы не хотимъ продолжать войны; незачѣмъ поддерживать армию на фронтѣ, она можетъ расходиться по домамъ; а непріатели пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Врядъ ли кто-нибудь изъ сторонниковъ лозунга такъ думалъ,—развѣ только немногія отдѣльныя лица изъ крайнихъ толстовцевъ или анархистовъ.—Можно было понять и такъ: надо заключить миръ сейчасъ же, какой угодно, общій или сепаратный, и на какихъ угодно условіяхъ. Этого мнѣнія тоже, какъ потомъ выяснилось, держались весьма немногіе люди со смутнымъ политическимъ сознаниемъ, не понимающие, что очень невыгодныя или унижительныя условія мира вызвали бы новую реакцію и, можетъ быть, быстрое возобновленіе войны; а миръ сепаратный могъ повести даже къ немедленному нападенію со стороны Японіи, и во всякомъ случаѣ, къ тяжелымъ столкновеніямъ съ нынѣшними союзниками въ будущемъ. Большинство противниковъ войны, несомнѣнно, имѣло въ виду борьбу за миръ легальными средствами, объединеніе силъ съ противниками войны въ другихъ воюющихъ странахъ, давленіе на правительство, чтобы оно настояло передъ союзниками на пріемлемыхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ мира, общаго, а не сепаратнаго.

Но очень многіе изъ тѣхъ, которые такъ думали, не присоединялись къ лозунгу «Долой войну!», такъ какъ находили, что онъ не выражаетъ, а затемняетъ ихъ точку зрѣнія. Шли за нимъ, главнымъ образомъ, тѣ, кто просто желалъ протестовать про-

тивъ войны, но не имѣлъ яснаго представленія о путяхъ и способахъ покончить съ нею,—да, можетъ быть, нѣкоторые наивные толстовцы и анархисты.

Очевидно, что лозунгъ плохо организовалъ силы, стремящіяся къ прекращенію войны. И какъ разъ сторонники войны успѣшно воспользовались имъ, не только для собиранія и сплоченія своихъ силъ, но также для того, чтобы повести за собой всѣхъ колеблющихся, всѣхъ не нашедшихъ еще своего рѣшенія вопроса. Для этого лозунгъ истолковывался, конечно, въ самомъ худшемъ смыслѣ; агитаторы за «войну до побѣднаго конца» говорили массамъ: «смотрите, наши противники хотятъ позора и униженія Россіи, завоеванія ея нѣмцами; они призываютъ кончить войну прекращеніемъ защиты фронта, общимъ дезертирствомъ арміи, забастовкой ея тыла; сами нѣмцы не могутъ желать для себя ничего лучшаго». Кое-гдѣ удавалось даже внушить темнымъ людямъ, что призывъ «Долой войну!» есть просто провокація нѣмецкихъ шпионовъ.

Въ концѣ-концовъ, сами авторы неосмотрительно брошеннаго лозунга принуждены были отказаться отъ него и перейти къ другимъ, болѣе яснымъ и менѣе уязвимымъ для всякихъ нападокъ: «Миръ безъ захватовъ и контрибуцій», «Миръ на основѣ самоопредѣленія народностей». Но пришлось затратить много усилий и времени, чтобы разсѣять создавшуюся путаницу; а слѣды ея, конечно, остались въ головахъ многихъ солдатъ и рабочихъ, въ видѣ недовѣрія къ наиболѣе рѣшительнымъ дѣятелямъ борьбы за миръ, социалистамъ интернационалистамъ.

Иначе, но немногимъ лучше вышло съ лозунгомъ «8-часовой рабочей день». Это—одно изъ основныхъ, постоянныхъ требований рабочей партіи, одинъ изъ пунктовъ ея программы-минимумъ; выдвинуть его при революціи было необходимо. Но наша революція протекаетъ въ ужасныхъ условіяхъ войны и голода. Вслѣдствіе этого осуществить полностью теперь же 8-часовой день нельзя: это повело бы къ разъединенію между рабочими и арміей, главными силами революціи. Задача состояла въ томъ, чтобы осуществить его тамъ, гдѣ это возможно, а въ другихъ случаяхъ приблизиться къ нему, насколько возможно, безъ ослабленія производства,—и еще въ томъ, чтобы добиться отъ буржуазіи признанія права рабочихъ на 8-час. день при нормаль-

номъ ходѣ жизни. Такъ и рѣшали вопросъ съ самого начала сознательные рабочіе. Но это рѣшеніе не укладывалось въ краткую форму боевого лозунга—въ нѣсколько словъ; и выраженіе задачи по необходимости осталось прежнее: «8-часовой рабочей день».

Этимъ быстро и ловко воспользовались капиталисты. Въ Петербургѣ они сами предложили рабочимъ 8-ми часовой день, но *со сверхурочными работами* съ согласія заводскихъ и фабричныхъ комитетовъ. Въ другихъ мѣстахъ, слѣдуя примѣру Петербурга, рабочіе даже первыми шли на такія же условія. А газеты капиталистовъ, начиная отъ либеральныхъ и кончая вчерашними черносотенными, какъ «Новое Время», московское «Время» и т. под., подняли энергичную агитацію противъ рабочихъ, натравливали на нихъ солдатъ и крестьянъ обвиненіемъ, что рабочіе, будто бы, захватили себѣ 8-часовой день, не желая считаться съ интересами фронта и съ отчаяннымъ положеніемъ всей страны. Масса агентовъ буржуазіи, сознательныхъ и частью даже безсознательныхъ, поддерживали эту травлю на митингахъ, уличныхъ собраніяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ и проч. Мѣстами она имѣла успѣхъ и поселила недовѣріе между солдатами и рабочими.

Тогда выступили съ разъясненіями Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, социалистическія газеты и всѣ, кто имъ сочувствовалъ. Общими усиліями удалось прекратить и подавить клевету. Но отъ нея всегда что-нибудь да остается, не говоря о лишней затратѣ силъ на борьбу съ ней.

Въ чемъ же здѣсь заключалась ошибка? Въ томъ, что сначала дали возможность развернуться клеветнической кампаніи, а потомъ уже начали разъяснительную кампанію. Нападающей и въ политикѣ имѣетъ преимущество; поэтому нападеніе всегда слѣдуетъ предупреждать. Надо помнить объ обстановкѣ, о томъ, что лозунгъ обращенъ не только къ своимъ, но и къ врагамъ, которые ищутъ слабаго мѣста, чтобы нанести ударъ. Это слабое мѣсто, въ данномъ случаѣ, неполнота, неясность выраженія, вынужденная краткостью; слѣдовало предвидѣть опасность, которая возникаетъ изъ нея, благодаря особенно темнотѣ крестьянскихъ и солдатскихъ массъ и ихъ естественной подозрительности при тяжеломъ положеніи страны. Выставляя лозунгъ, надо было тутъ же, посредствомъ печати и устной агитаціи, освѣдомлять всѣхъ, въ какомъ смыслѣ и до какихъ предѣловъ онъ

теперь проводится. Тогда остріе нападокъ притупляется сразу.

Образецъ необдуманно брошеннаго лозунга—«Долой временное правительство!» во время апрѣльскаго столкновенія изъ-за ноты Милюкова. Въ обычное время клики «долой министерство» могутъ означать вполне мирный протестъ противъ господствующей политики; въ революціонное время такой призывъ можетъ быть понятъ массами только въ смыслъ прямой вооруженной борьбы. Какъ выяснилось потомъ, у самихъ авторовъ лозунга этой мысли отнюдь не было; они просто не представляли себѣ, что изъ этого выйдетъ. А враги революціи, конечно, ухватились за эту ошибку, и во всю воспользовались ею для организаціи своихъ сторонниковъ, для привлеченія колеблющихся и подрыва довѣрія къ революціонерамъ. Вышло какъ нельзя хуже...

Это былъ очень наглядный урокъ; однако онъ не подѣйствовалъ. Когда образовалось коалиціонное министерство, на сцену выступили лозунги: «Долой 10 министровъ-капиталистовъ!» и «Вся власть Совѣтамъ!» Они были направлены противъ колеблющейся, нерѣшительной политики новаго министерства, въ которомъ большинство только мирилось кое-какъ съ революціей, но не желало ея дальнѣйшаго развитія, и задерживало необходимыя рѣшительныя преобразованія. Задача состояла въ томъ, чтобы ускорить переходъ власти въ руки революціонной демократіи. Годились ли для этого данные лозунги?

Они годились бы, если бы сами Совѣты, законные представители революціонной демократіи, *желали* взять власть въ свои руки. Тогда, конечно, всѣ сторонники Совѣтовъ были бы объединены и сплочены боевыми призывами къ завоеванію власти для Совѣтовъ. Но на дѣлѣ обстановка была совсѣмъ иная. Совѣты *не хотѣли* всей власти: они боялись ея, считая свои силы недостаточными для нея, и придавали огромное значеніе временному союзу съ прогрессивной частью буржуазіи. Что же тогда получалось? Сторонники «всей власти Совѣтамъ» должны были идти противъ самихъ Совѣтовъ; а защитники Совѣтовъ и ихъ политики—противъ сторонниковъ власти Совѣтовъ. Ясно, что это—не сплоченіе силъ демократіи, не ихъ организація, а разъединеніе силъ, дезорганизація. Между тѣмъ лозунги-то боевые, зовущіе къ дѣйствіямъ, поддерживающіе возбужденіе массъ, особенно въ жгучей и бурной атмосферѣ революціи. Что же вышло?

Въ Петербургѣ и безъ того была масса горячаго матеріала: значительная часть гарнизона была встревожена наступленіемъ, которое должно было повести въ близкомъ будущемъ къ ея отправкѣ на фронтъ; волновались сорокалѣтніе, которыхъ изъ отпуска, отъ полевыхъ работъ, отзывали въ казармы. Кадеты, враги революціи, пользуясь разъединеніемъ демократіи, нашли моментъ удобнымъ, чтобы еще обострить положеніе: ихъ министры ушли изъ Врем. Прав-ва. Это послужило толчкомъ къ безтолковому и разрозненному возстанію 3—5 іюля. Совѣты умирили тѣхъ, кто требовалъ съ оружіемъ въ рукахъ всей власти Совѣтамъ; одна часть демократіи подавила другую. Разумѣется, демократія въ цѣломъ была этимъ очень ослаблена. И когда затѣмъ на нее обрушились еще тяжелыя событія на фронтѣ, она не устояла и подалась, стала сдавать врагамъ революціи одно за другимъ свои революціонныя завоеванія. Началась серьезная реакція; и очевидно, что неудачные лозунги немало таки помогли ея подготовкѣ.

Изъ всего выясненнаго вытекаетъ вотъ какое правило. Боевые лозунги надо выбирать не по настроенію, а по обсужденію всей обстановки,—какъ и всякое боевое средство. Надо заранѣе разсчитать, насколько лозунгъ способенъ организовать друзей, насколько—враговъ. Слабыя стороны его надо найти, не дожидаясь нападенія на нихъ,—и самимъ заранѣе укрѣплять ихъ во всей пропагандѣ и агитаціи, связанной съ этимъ лозунгомъ. Политическая борьба подчинена тѣмъ же законамъ, что и война.

На пути къ интернаціоналу.

Возстановленіе международной связи пролетаріата — основная задача историческаго момента. Для ея разрѣшенія многое уже сдѣлано русской революціей, но еще многое остается сдѣлать. Тутъ каждый шагъ имѣетъ огромное значеніе для будущаго, а потому и связанъ съ огромной отвѣтственностью; и тѣмъ болѣе драгоцѣнны уроки, вытекающіе изъ уже сдѣланныхъ первыхъ шаговъ.

Представьте себѣ всю массу стихійной ненависти и злобы, которую влила война въ сердца народовъ, всю массу страданій и бѣдствій, которыя она заставила ихъ причинить другъ другу,—

и сразу станетъ понятно, какъ неизбежна подозрительность и недовѣрчивость во взаимныхъ отношеніяхъ даже наиболѣе сознательныхъ, даже наиболѣе стремящихся къ миру элементовъ враждующихъ лагерей. А отсюда ясно, какая исключительная осторожность и чуткость необходимы при каждой попыткѣ къ сближенію этихъ лагерей, чтобы не давать никакой опоры сомнѣніямъ и недовѣрію, не пробуждать никакихъ старыхъ недоузданныхъ. За короткое время нашей революціи уже успѣлъ накопиться въ этомъ смыслѣ живой, важный опытъ.

Воззваніе къ пролетаріямъ всѣхъ странъ о борьбѣ за миръ отъ 14—27 марта представляетъ великую заслугу Петербургскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Этимъ воззваніемъ положено дѣйствительное начало новаго Международнаго братства пролетаріевъ. И все же, какъ извѣстно, германскіе товарищи, наши ближайшіе сосѣди по ту сторону фронта, поддержка которыхъ такъ важна для насъ и для всего дѣла, встрѣтили это воззваніе, хотя, разумѣется, не враждебно, но съ большою сдержанностью, выразили свое сочувствіе къ нему лишь въ общей, оффиціальной формѣ; а въ отзывахъ германской рабочей печати замѣтна была даже нѣкоторая неудовлетворенность, проскальзывало болѣзненное чувство. Какая была этому причина?

Въ петербургскомъ воззваніи было специальное обращеніе къ германскому пролетаріату:

«Съ первыхъ дней войны васъ убѣждали въ томъ, что, поднимая оружіе противъ самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма. Многіе изъ васъ видѣли въ этомъ оправданіе той поддержки, которую вы оказывали войнѣ. Нынѣ не стало и этого оправданія... Но мы призываемъ васъ: сбросьте съ себя иго вашего полусамодержавнаго порядка, подобно тому какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіемъ насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ,—и дружными объединенными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую челоуѣчество и омрачающую великідни рожденія русской свободы»...

Такого же отдѣльнаго обращенія къ рабочимъ, на примѣръ, Англійи или Франціи въ этомъ воззваніи нѣтъ. Вещь совершенно понятная: Совѣтъ больше всего думалъ о защитѣ нашей революціи; а военная опасность угрожала ей именно со стороны

Германіи. Но какъ это восприняли нѣмецкіе товарищи?

Многіе изъ нихъ поняли дѣло такимъ образомъ, что русскіе рабочіе Германію считаютъ главной виновницей войны, а на ея пролетаріевъ возлагаютъ наибольшую отвѣтственность за поддержку войны. Это было бы, конечно, несправедливо: во-первыхъ теперь вполне выяснилось, что причина войны—конкуренція капиталовъ великихъ странъ за міровой рынокъ и вызванный ею ростъ вооруженій, т.-е., въ сущности, самъ капитализмъ съ его дѣтищемъ—милитаризмомъ; во-вторыхъ, ни въ войнѣ, ни въ братствѣ одна сторона не можетъ судить другую. Петербургскій Совѣтъ и не думалъ ничего подобнаго; но благодаря неполному и одностороннему выраженію его мыслей, такъ могло показаться.

Этому содѣйствовало и то, что только къ нѣмецкимъ рабочимъ былъ направленъ призывъ «свергнуть полу-самодержавный порядокъ». Между тѣмъ, теперь и въ другихъ воюющихъ странахъ господствуютъ не лучшіе порядки—диктатура властей подъ предлогомъ войны; свобода стѣснена повсюду: даже въ самой Англійи свирѣпствуетъ военная цензура, арестовываютъ и своихъ стачечниковъ, и своихъ социалистовъ писателей за статьи противъ войны, и русскихъ эмигрантовъ—сторонниковъ международности. Точно такъ же и въ затягиваньи войны виновны всѣ правительства, а не одно германское: всѣ они, боясь отвѣтственности за тяжелый исходъ войны, не по волѣ народовъ ими начатой, хотятъ какъ-нибудь хоть въ послѣдній моментъ поправить свои дѣла. Народная революція нужна не только въ Германіи, но во всѣхъ воюющихъ странахъ.

Надо, къ тому же, замѣтить, что революціи дѣлаются нелегко. Намъ удалось свергнуть самодержавіе, потому что оно уже сгнило отъ корня до вершины. А сколько времени передъ тѣмъ оно терзало народъ, и какъ жестоко сумѣло подавить нашу первую народную революцію! Германскій политическій строй сгнилъ далеко не въ такой уже степени, и только сами нѣмецкіе рабочіе могутъ судить о томъ, есть ли силы для успешной революціи; а поражение ихъ принесло бы вредъ рабочему дѣлу во всемъ мірѣ.

Далѣе, надо принимать въ расчетъ и то, что рабочій классъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, которые постоянно высматриваютъ слабыя мѣста въ его позиціяхъ, и ловко воспользуются

всякой неясностью, всякой недоговоренностью въ международных отношеніяхъ пролетаріата. Напр., что писали по поводу воззванія Петерб. Совѣта органы завѣдомыхъ реакціонеровъ, сразу ставшихъ демократами, газеты Сувориныхъ—«Время», «Вечернее Время», «Новое Время»? Онѣ заявляли: да мы совершенно согласны съ Совѣтомъ,—германскіе рабочіе должны свергнуть своего Вильгельма; а пока онъ есть, никакого мира съ Германіей быть не можетъ. Конечно, люди вполнѣ свободные отъ стыда могутъ говорить, что имъ угодно. Но въ этомъ случаѣ сбивать съ толку темныхъ людей имъ было легче, благодаря кажущейся односторонности мыслей возванія,—какъ будто Совѣтъ иначе смотрѣлъ на Германію и германскихъ рабочихъ, чѣмъ на другія воюющія страны съ ихъ пролетаріатомъ.

Къ сожалѣнію, въ позднѣйшемъ воззваніи Совѣта, по поводу международной конференціи рабочихъ, которую онъ намѣренъ созвать, повторяется та же ошибка: тонъ обращенія къ австро-германскимъ рабочимъ таковъ, какъ-будто именно на нихъ главная отвѣтственность за судьбу общихъ усилій, направленныхъ къ миру,—какъ будто со стороны Австро-Германіи милитаристическая и захватная угроза человечеству больше, чѣмъ съ другой стороны. Все то же неумѣнье сойти съ точки зрѣнія своихъ непосредственныхъ чувствъ и ближайшихъ интересовъ, посмотреть на дѣло вполнѣ безпристрастно, принять въ расчетъ и другую точку зрѣнія, въ которой есть, можетъ быть, такая же невольная узость.

Въ нашей социалистической печати не разъ дѣлались ошибки и въ другомъ направленіи. Обличаютъ англійско-французскій капиталъ съ его управляющими—союзными намъ правительствами, и въ увлеченіи забываютъ про другую сторону; выходитъ такъ, словно германскій капиталъ съ его Вильгельмомъ и Бетманъ-Гольвегомъ много лучше. Напр., пишутъ о томъ, какими вѣрными друзьями Николаю Кровавому были, а при случаѣ и теперь оказываются союзные министры; но вмѣстѣ съ тѣмъ не упоминается, что не менѣе вѣрнымъ другомъ былъ Вильгельмъ, для котораго Николай даже готовъ былъ предать своихъ союзниковъ. Незаконченная, недоговоренная правда, такимъ образомъ, можетъ внести неясность и путаницу въ сознание неопытныхъ людей. Между тѣмъ домашніе враги революціи тутъ же умѣло

пользуются обстоятельствами, и начинаютъ обвинять социалистовъ въ дружбѣ съ нѣмцами, во враждѣ къ союзникамъ и т. д., вплоть до намековъ на измену. Наивные люди запутываются еще больше, и совѣмъ не могутъ разобраться. А наивныхъ людей такъ много,—гораздо больше, чѣмъ опытныхъ и сознательныхъ.

Или, вотъ, поднимался вопросъ, допустимо ли въ международной мирной конференціи рабочихъ участіе «соціалъ-патріотовъ», въ частности—германскаго «большинства» съ Шейдеманомъ во главѣ. Едва ли тактично русскимъ социалистамъ брать на себя рѣшеніе подобнаго вопроса; гораздо удобнѣе, и по существу правильнѣе, если его рѣшатъ нѣмецкіе же интернаціоналисты, до сихъ поръ боровшіеся за миръ. Если они не откажутся обсудить дѣло вмѣстѣ со своими прежними товарищами, то намъ возражать было бы неумѣстно: они лучше знаютъ, почему и въ чемъ у нихъ расхожденіе, и какъ оно велико. У насъ тоже отношеніе социалистовъ къ войнѣ было весьма различно; и для насъ едва ли было бы пріятно, если бы нѣмцы стали рѣшать, кого изъ нашихъ слѣдуетъ допустить, кого—нѣтъ.

Наши выводы просты. Возстановленіе международной связи пролетаріата—задача великая, но также и очень трудная среди накопившейся вражды, подозрѣній, недовѣрія. Необходима большая осторожность при ея выполненіи, чуткое вниманіе къ тому, что думаютъ и чувствуютъ наши товарищи въ другихъ странахъ. Слѣдуетъ очень тщательно избѣгать не только неравнаго отношенія къ пролетаріямъ разныхъ націй, но и всего, что навредило бы на мысль о такомъ отношеніи, что могло бы быть принято за намекъ на него. Это устранить лишнія задержки и тренія на пути къ единству, и въ то же время поможетъ развитію въ нашемъ пролетаріатѣ того яснаго, глубокаго классового осознанія, которое по самой природѣ своей *международно*.

О провокаціи.

Раскрытіе тайнъ провокаціи было тяжелымъ урокомъ для всего нашего революціоннаго движенія. Впервые обнаружилось, до какой степени оно, за время реакціи съ ея общественнымъ разложеніемъ, было оплетено сѣтью чернаго предательства, въ какихъ гибельныхъ условіяхъ вели свой тяжелый трудъ борцы

за свободу и социализмъ, до какой степени неизбежно каждый изъ нихъ за короткій періодъ революціонной работы долженъ былъ расплачиваться, проходя долгій крестный путь царскаго мучительства. И читая эти страшные списки послѣдователей Иуды, видя въ нихъ имена людей, которымъ всѣ вѣрили, которые могли всюду проникать, невольно поражаешься: да какъ же тѣ, честные, могли еще работать, какъ сумѣли они тогда дѣлать дѣло революціи?—А они дѣлали его, они подготовили революцію; благодаря имъ, она пришла въ Россію не какъ ударъ грозы въ тупое стадо обывателей, а нашла среди массъ народа живой отзвукъ своей программѣ и лозунгамъ, нашла въ этихъ массахъ силы для задачъ своего строительства.

Да, это необыкновенный урокъ: въ немъ ярко сопоставляется безпримѣрная глубина паденія, на какую способна человѣческая природа, съ величіемъ всепобѣждающей стойкости и вѣрности идеалу, до какого эта природа можетъ возвышаться.

Но тутъ же другой поучительный урокъ: тѣ отклики, которые вызвало раскрытіе провокаціи въ не-революціонныхъ кругахъ русскаго общества.

Большую часть нашего «образованнаго общества» составляютъ почтенные и добродѣтельные люди, которые при старомъ порядкѣ были скромными и мирными либералами, легальной «оппозиціей Его Величества», но отнюдь не «Его Величеству», какъ справедливо указывалъ ихъ образцовый типъ и ихъ вождь Миллюковъ. Теперь всѣ они, конечно, демократы и республиканцы.

Трудно было бы вообразить себѣ все то глумленіе, то издѣвательство и злорадство, которые они обрушили на головы революціонеровъ по случаю раскрытія тайнъ охранки. По мѣрѣ того, какъ въ спискахъ провокаторовъ появлялись имена того или иного виднаго дѣятеля революціонныхъ партій, со всѣхъ сторонъ раздавалось радостное шипѣнье: «А, вотъ кто сидѣлъ у нихъ въ редакціи! А, вотъ кто былъ у нихъ въ центрѣ! А, вотъ кто руководилъ ими!..»

Господамъ хорошимъ нѣтъ дѣла ни до тѣхъ десятковъ, иногда сотенъ мучениковъ, которые приходились въ революціонныхъ партіяхъ на cadaго патентованнаго Иуду, ни до той огромной напряженной и самоотверженной работы, какую эти десятки и сотни успѣвали выполнить въ промежуткахъ свободы ме-

жду царскими тюрьмами или ссылками. Господа хорошіе теперь, конечно, друзья революціи, но они не любятъ революціонеровъ...

Впрочемъ, они дѣлаютъ между ними разницу. Они не любятъ, главнымъ образомъ, «крайнихъ». У крайнихъ, естественно, и провокаторы были наиболѣе крупные: талантливые предатели шли туда, гдѣ можно больше заработать, лучше отличиться; не къ кадетамъ же, въ самомъ дѣлѣ, итти какому-нибудь Азефу или Роману Малиновскому. За послѣдніе годы крайними оказались большевики. Ихъ спеціально и травили газеты и агитаторы хорошихъ господъ по случаю провокаціи. Противъ нихъ, именно какъ самыхъ крайнихъ, велась вообще ожесточенная кампанія. Конечно, расчетъ былъ такой, что если бы эта кампанія увѣнчалась успѣхомъ, и они были бы разбиты, отброшены съ политической сцены, «на краю» очутились бы другіе, эсъ-эры или меньшевики, и настала бы очередь для тѣхъ*).

Противъ крайнихъ допускался даже совершенно особый пріемъ. Въ печатавшихся спискахъ о провокаторахъ, предававшихъ не большевиковъ, обозначалось: «освѣщаль рабочіе круги» или «работалъ у эсъ-эровъ», и т. п. А провокаторы, втиравшіеся къ большевикамъ, обозначались кратко: «с.-д. большевикъ». Хотя, вѣдь, это явная неправда: большевиками-то они только притворялись, а были слугами стараго порядка, т.-е. черносотенцами.

Черносотенцы... Многие уже забываютъ это слово; но напрасно. Ни чумы, ни холеры на нихъ не было, они живы и здоровы. А что ихъ не видно и не слышно, на то есть свои особыя причины. Вотъ одинъ примѣръ.

Была газета «Новое Время». Щедринъ называлъ ее «Чего изволите?» Есть она и теперь. Еще появилось у нея потомство: «Вечернее Время» въ Петербургѣ, «Время» въ Москвѣ, потомъ, кажется, «Русско-Британское Время» и т. под. Хорошая семейка: Суворины, Столыпины, Меньшиковы. Травили эти газеты революціонеровъ, восторгались смертными казнями и полевыми су-

*) Приблизительно такъ это уже теперь и выходитъ: большевики разбиты послѣ іюльской вооруженной демонстраціи въ Петербургѣ и бѣгства на фронтъ, которое приписываютъ ихъ агитаціи противъ наступленія, хотя причины тутъ были гораздо шире и глубже; и уже атака ведется на эсъ-эровъ и на меньшевиковъ, и на Совѣты Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

дами послѣ прошлой революціи. Травили учащуюся молодежь, не давали, порой, спуска и либераламъ. Подстрекали къ еврейскимъ погромамъ. Были все время первыми патріотами; закидывали шапками раньше японцевъ, потомъ нѣмцевъ. Подготавливали въ Москвѣ нѣмецкій погромъ, который такъ помогъ разстройству нашего тыла, лишилъ насъ лучшей фабрики лекарствъ и множества необходимыхъ запасовъ. Получали, между, прочимъ, и пособія отъ царскаго правительства — еще недавно раскрыта исторія о 880 тысячахъ.

Теперь эти газеты — демократическія и республиканскія, издѣваются надъ Николаемъ Кровавымъ и печатаютъ всѣ грязныя сплетни о его семейныхъ дѣлахъ. А еще недавно, когда онъ назначилъ себя верховнымъ главнокомандующимъ, — привѣтствовали его радостно-пресмыкающимися статьями.

Такъ вотъ, эти демократы и республиканцы всѣхъ злораднѣе издѣвались и глумились по поводу раскрытія провокаторовъ. И договаривались до такихъ вещей:

«...нельзя было не подивиться сходству мыслей и дѣлъ изловленныхъ провокаторовъ и тѣхъ «партийныхъ работниковъ», на которыхъ не падаетъ подозрѣніе...» (Изъ московской газеты «Время» отъ 31 марта 1917 г.).

Провокаторами называются люди, которые изображаютъ изъ себя не то, что они есть, чтобы предавать. Еще вчера въ названныхъ газетахъ сотрудничалъ завѣдомый «видный шпіонъ», хотя и не тайный провокаторъ, Манасевичъ-Мануйловъ. А теперь эти демократы и республиканцы удивляются сходству мыслей и дѣлъ у провокаторовъ съ революціонерами.

Да, читатель-гражданинъ, провокація не умерла. Ея много вокругъ насъ, въ разныхъ видахъ и степеняхъ. Есть люди искренніе, которые теперь сочувствуютъ революціи, но по основнымъ жизненнымъ интересамъ и по всему душевному складу не имѣютъ съ ней ничего общаго. Эти такъ же искренно въ свое время измѣняютъ ей и предадутъ ее. Есть другіе, которые знаютъ, что дѣлаютъ, которые зарабатывали на реакціи, зарабатываютъ на революціи, но, конечно, предпочитаютъ первое, и незамѣтно готовятъ переходъ на такое положеніе.

Какъ только настали тяжелые дни для демократіи, сразу же

съ очевидностью проявилась та и другая провокація, вольная, невольная, сознательная и безсознательная.

Уже установлено, что въ безсмысленномъ уходѣ съ позицій большую роль сыграли присланные на фронтъ бывшіе жандармы, городовые и стражники. Уже обнаружено, что во время вооруженной демонстраціи въ Петербургѣ 3—4 июля, какъ ни было само по себѣ анархично и нелѣпо поведеніе манифестировавшихъ на автомобиляхъ, съ винтовками и пулеметами, солдатъ, все-же во многихъ случаяхъ стрѣлять начинали не они, а неизвѣстные лица со стороны, которыя затѣмъ немедленно исчезали; а тѣ, которые попадались, оказывались не революціонерами. Выяснено, что министра Чернова, при переговорахъ его съ кронштадцами, арестовали не сами кронштадцы, а опять-таки неизвѣстные лица, одѣтыя въ солдатскую форму. Надо полагать, что дальше выяснится еще многое другое.

А сколько людей, которые недавно еще заявляли себя революціонерами, даже крайними, а теперь, когда революціи угрожаетъ великая опасность, спѣшно переходятъ къ ея врагамъ, кричатъ объ обузданіи, подавленіи, требуютъ разгрома цѣлыхъ социалистическихъ теченій! Именно эти безсознательные провокаторы, которыхъ такъ много, даютъ силу провокаторамъ сознательнымъ, которыхъ всегда можетъ найтись только небольшое число. Именно безсознательная провокація за совѣсть повторяетъ и распространяетъ старую, истрепанную выдумку сознательной провокаціи о подкупѣ революціонеровъ нѣмецкими деньгами: въ прошлую революцію это были японскія и англійскія деньги, полученные рабочими для забастовокъ; во время реакціи это были финляндскія деньги, полученные Милоковымъ и кадетами для отстаиванья финскихъ интересовъ во вредъ русскимъ...

Да, онѣ остались, та и другая, провокація подлости и провокація глупости; онѣ разливаются сейчасъ еще шире, чѣмъ прежде. Но исторія говоритъ ясно: дѣло, которое опирается на провокацію, есть дѣло обреченное на гибель. Если не сегодня, то завтра революціонный народъ сотретъ голову ядовитой гадины, и затемненное сознание просвѣтлѣетъ.

Тяжелое время пройдетъ, поле битвы озанется за истиной и свободой.

